

ОТ АВТОРА

Добро пожаловать в «Легенды Первой империи», мой новый фэнтезийный цикл. Если вам не доводилось читать моих предыдущих книг, то бояться не надо. Это совершенно новый цикл, поэтому вам не потребуются знаний ни о «Хрониках Рийрии», ни об «Откровениях Рийрии» для того, чтобы насладиться этой историей. Также чтение этой книги не помешает вам получить удовольствие от других двух циклов, потому что «Легенды» являются циклом самостоятельным, отдельным входом в мир Элан.

Для тех же, кто прочитал циклы про Рийрию, замечу, что действие данного цикла происходит за три тысячи лет до основных событий. Вы наверняка убеждены, что знаете все о том, как сформировалась Первая империя, или по крайней мере имеете общие представления о событиях. Однако, прочитав мой новый цикл, вы поймете, что многое не всегда является тем, чем кажется. Описания событий в Рийрии не вполне точны. Не стоит забывать, что историю писали победители! В этом цикле я смог восстановить истинное положение вещей, и вы узнаете, какие мифы были правдивыми, а какие — нет.

Для тех, кто не знаком с моим творческим процессом, замечу, что я пишу саги не вполне обычным способом. Я заканчиваю все произведение еще до публикации первой части, и данный цикл не является исключением. Почему это важно? Причин несколько. Во-первых, это позволяет мне вплетать сюжетные линии во все пове-

ствование. Мелкие детали, которые сначала кажутся незначительными, в процессе перечитывания выливаются в нечто довольно интересное. Это получается благодаря тому, что я имею возможность работать со всем циклом сразу.

Во-вторых, такой способ творчества гарантирует мне (и моим читателям), что книги придут к идеальному завершению. Довольно часто в циклах сюжетные линии разбредаются во все стороны, и для автора становится затруднительным привести их к развязке благодаря всему, что было сказано или сделано ранее. Мне очень приятны похвалы в адрес завершения «Откровений Рийрии». Это получилось по большей части благодаря возможности вносить поправки, добавлять персонажей либо подготавливать почву в ранних книгах, когда в процессе написания более поздних книг мне в голову приходила удачная идея. К тому же я могу не бояться, что меня собьет автобус или постигнет иной печальный конец, оставив вас гадать, чем закончилась бы моя история.

В-третьих, написание всех книг заранее освобождает меня от ограничений, налагаемых контрактами с издателем и прочих подобных затруднений. По правде говоря, данный цикл был задуман как трилогия. Но по мере развития сюжета он вырос в четыре, а потом и в пять книг. Если бы я подписал контракт по окончании первой книги, мне пришлось бы принимать непростые решения, чтобы втиснуть повествование в рамки заключенной сделки. При отсутствии каких-либо ограничений мне удалось рассказать историю наиболее выигрышным для сюжета образом.

В-четвертых, написание цикла целиком спасает меня от цейтнота. Признаюсь, я терпеть не могу творить по часам. Муза не всегда является по первому требованию, и мне не очень приятно писать книги в присутствии бомбы с часовым механизмом. Без каких-либо ограничений мне удастся писать наилучшим образом, потому что книга заканчивается лишь тогда, когда все готово, а не когда время на нее кончается.

И, наконец, что не менее важно, вы гарантированно получаете все книги цикла в срок. Слишком часто читателям приходится с нетерпением гадать, когда же появится следующая книга и будет ли она вообще. Написание цикла целиком избавляет от подобных тревог. Разумеется, когда и какую книгу выпустить, решает издательство, однако моя работа на этом завершается, и я могу перейти к следующему проекту.

Напоследок хотелось бы добавить вот еще что. Я не рекомендовал бы подобный подход начинающим авторам. Есть много причин, по которым большинство циклов так не пишутся, и для других мой метод может вылиться в годы напрасно потраченного времени.

Что ж, для предисловия этого более чем достаточно. Я просто хотел позволить вам заглянуть в мою творческую мастерскую, чтобы вы знали, чего ожидать. А теперь переверните страницу и — на встречу приключениям!

ХЭНТИН

Эрванон

ЭРИАН

Эстрамнадон

Авемпарга

Сеон-Хола

Карудский лес

Болого Ил

ЭВРАИН

Алон-Рист

Под Драконом

Гора Мэдор

Развизка

Долина

Высокое Копье

Нэдак

Дьгория

Гула

Рэн

Мэоэн

Мэрида

РХУЛИН

Мэнахан

Тирре

Уоррик

Зеленое море

ПУСТОШИ

Нэйт

БЭЛГРЕЙГ

Синее море

100 Миль

ЭРА МИФОВ

Глава 1

О БОГАХ И ЛЮДЯХ

«В темную пору перед войной люди звались рхунами. Обитали мы тогда в Рхунланде или Рхулине, как его раньше называли. Мы голодали и жили в страхе. Больше всего мы боялись богов по ту сторону реки Берн, переходить за которую нам было запрещено. Многие считают, что борьбу с фрэями открывает Грэндфордская битва, но на самом деле все началось ранним весенним днем, когда реку пересекли двое охотников».

«Книга Брин»

Сперва Рэйт хотел упасть на колени и молиться. В последние минуты людям свойственно делать это, а также изрыгать проклятия, плакать, кричать... Однако в данном случае молитва вряд ли помогла бы: в двадцати футах от него стоял разъяренный бог. Терпимостью боги никогда не славились, а уж этот готов был пришибить их на месте.

Ни Рэйт, ни его отец не слышали, как бог появился. Воды сливающихся неподалеку рек шумели так, что заглушили бы приближение целой армии. Пожалуй, Рэйт предпочел бы армию...

Бог в сияющих одеждах восседал на коне, рядом стояли двое пеших слуг. Обычные люди, но одеты как хозяин. Все трое молчали.

— Эй! — окликнул Рэйт отца.

Херкимер стоял на коленях возле оленя, вспарывая ему брюхо. Перед этим Рэйт попал в животное копьём, и они с отцом преследовали его все утро. Херкимеру пришлось скинуть шерстяную лифору и рубаху, чтобы не запачкаться кровью при разделке.

— Чего тебе? — Он поднял голову.

Рэйт кивнул в сторону чужаков. Старик вытаращил глаза и побелел.

«Так и знал, что закончится все плохо», — подумал Рэйт.

Отец почему-то был уверен, что переправа на запретный берег решит все их проблемы. Он столько раз это повторял, что Рэйт усомнился в его правоте. Теперь же старик словно забыл, как дышать...

Херкимер вытер нож о шкуру оленя, сунул за пояс и поднялся.

— Э-э... — начал отец Рэйта, посмотрел на полуразделанного оленя, потом перевел взгляд на бога. — Эт-та ничего...

Вот и вся отцовская мудрость, вот и все оправдание их преступного вторжения на священные земли... Рэйт не знал, считается ли провинностью убийство принадлежащего богам оленя, и вместе с тем понимал, что их положения оно отнюдь не улучшит. И хотя Херкимер говорил одно, выражение его лица выражало совсем другое. Рэйта замутило. Он понятия не имел, что хотел услышать от отца, но явно что-нибудь более весомое.

Как и следовало ожидать, бога слова Херкимера также не впечатлили.

Они стояли на крошечном лугу у слияния Берна и Северной. Чуть выше по склону рос густой сосновый бор. Ниже лежал каменистый берег. Шум воды был единственным звуком под снежно-сумрачным одеялом неба. Всего пару минут назад полянка казалась Рэйту раем. Теперь все изменилось.

Рэйт осторожно вздохнул и напомнил себе, что столкнулся с богом впервые и понятия не имеет, что значит выражение его лица. Ему никогда не доводилось видеть богов вблизи — ни ушей в форме листового листа, ни небесно-голубых глаз, ни подобных расплавленному золоту волос. Запредельно гладкая кожа и белые зубы. Не земное существо, а порождение воздуха и света. Одежды развевались от ветра и сияли на солнце, придавая богу ореол загадочности. Свирепый осуждающий взгляд как нельзя лучше соответствовал представлениям Рэйта о бессмертных существах.

Еще больше его изумляла лошадь. Отец рассказывал о таких животных, но Рэйт не очень-то ему верил. У старика была привычка приукрашивать, и за двадцать с лишним лет Рэйт наслушался немало сказок. Выпив пару кружек, Херкимер рассказывал направо и налево, как убил пятерых одним ударом или загнал в угол Северный ветер. Чем старше делался Херкимер, тем невероятнее становились его истории...

Четвероногая небылица посмотрела на Рэйта большими влажными глазами и потрясла головой. Рэйт заподозрил, что ездовые животные богов и человеческую речь понимают.

— Вообще-то ничего такого мы не сделали, — повторил отец Рэйта на случай, если его плохо расслышали. — Мне сюда можно.

Он шагнул вперед и указал на медаль, висящую среди прилипших к потной груди сосновых игл и грязи. Полураздетый, загорелый, измазанный по локти в крови отец Рэйта выглядел типичным диким варваром. Даже сам Рэйт не стал бы ему доверять.

— Видите? — продолжил отец. Отполированный металл сверкнул в лучах полуденного солнца. — Я сражался за вас против гула-

рхунов в горах, в долине Верхнее Копье. И хорошо сражался! Командир фрээв дал мне это! Сказал, что я заслужил награду.

— Клан Дьюрия, — сообщил высокий слуга богу то ли с разочарованием, то ли с отвращением. Вокруг шеи у него был толстый серебряный торк. У второго прислужника — тоже. Видимо, украшения служило знаком их статуса.

Бороды у долговязого слуги не было, зато имелся длинный нос, острые скулы и маленькие умные глазки. Он смахивал на хорька или лиса, которых Рэйт терпеть не мог. Да и поза у него была странная: плечи ссутулены, взгляд опущен, руки подобострастно сложены. Даже побитая собака держится с большим достоинством. Что за люди сопровождают бога?

— Точно. Я Херкимер, сын Химдала, а это мой сынок Рэйт...

— Вы нарушили закон, — сообщил слуга. Даже голос у него был гундосый — таким вполне мог бы говорить хорек.

— Нет-нет! Ничего подобного! Все совсем не так!

Морщины на лице Херкимера обозначились четче, губы сжались. Он застыл, протягивая медаль как талисман, и глядел на бога с надеждой.

— Вот доказательство, что я заслужил награду. Понимаете, я решил, что нам... — Он махнул в сторону Рэйта. — Нам с сыном можно промышлять на этом куске земли. — Он обвел лужок рукой. — Понимаете, на нашем берегу, в Дьюрии, почва совсем плохая. Ничего не растет, дичи тоже нет.

В голосе отца звучала мольба, и Рэиту это не понравилось.

— Вам сюда нельзя! — заявил другой слуга, с намечающейся лысиной.

Бороды у него не было, как и у похожего на хорька прислужника, будто для того, чтобы ее отрастить, требовалось особое умение. Благодаря отсутствию растительности кислое выражение лица читалось отчетливо.

— Как вы не понимаете? Я сражался за ваш народ! Потерял на войне троих сыновей. И мне пообещали награду... — Херкимер снова поднял медаль, но бог на нее даже не взглянул. Он отрешенно смотрел вдаль.

Херкимер опустил медаль.

— Если это место занимать нельзя, мы поищем другое. Вообще-то, сыну больше понравилась поляна к западу отсюда. И от вас подалее будет. Что скажете?

Хотя бог на них даже не посмотрел, вид у него стал еще более недовольный. Наконец он заговорил:

— Я заставлю вас подчиниться.

Вполне обычный голос. Рэйт был разочарован. Он приготовился услышать раскаты грома.

И тогда бог обратился к своим слугам на божественном языке. Рэйт перенял его азы от отца, говорил, правда, не очень-то бегло, но понял: бог не хотел, чтобы они находились по эту сторону реки с оружием в руках. Высокий слуга тут же передал распоряжение хозяина на рхунском:

— Только фрээм дозволяется носить оружие к западу от Берна. Бросайте его в реку!

Херкимер покосился на сложенные возле пня инструменты.

— Возьми копье и сделай, как говорят, — покорным голосом велел он Рэйту.

— И меч со спины тоже, — добавил высокий слуга.

Херкимер опешил и оглянулся через плечо, словно забыл, что меч все еще там. Потом он посмотрел богу в лицо и заговорил на языке фрээв:

— Это наш родовой меч! Я не могу его выбросить...

Бог усмехнулся, показав зубы.

— Оружие есть оружие, — настаивал слуга.

Херкимер заколебался.

— Ладно, ладно, ничего страшного. Мы прямо сейчас переправимся через реку. Пойдем, Рэйт.

Бог недовольно фыркнул.

— Только после того, как выбросите меч, — перевел слуга.

Херкимер сверкнул глазами.

— У нас в роду он передается из поколения в поколение!

— Это оружие. Бросай!

Херкимер поглядел на сына искоса.

Он не был хорошим отцом, но по крайней мере, насколько Рэйт знал, — своим сыновьям он смог привить чувство собственного достоинства. Самоуважение проистекает из возможности защитить себя. У мужчины должна быть гордость!

На весь клан Дьюрия металлический меч был только у отца Рэйта. Выкованный из меди, весь в зазубринах, поверхность тускло поблескивает красками летнего заката. Если верить легенде, фамильный клинок с коротким лезвием изготовил настоящий дхергский кузнец. Конечно, рядом с инкрустированными драгоценностями и украшенным замысловатой гравировкой мечом в руках бога медный клинок смотрелся жалко. И все же Херкимер стоял за него го-

рой. Враги клана уважительно прозвали его Медный Меч. Отец Рэйта ни за что бы не расстался с мечом добровольно.

Ревущую реку заглушил крик парящего в небе ястреба. С птицами связано много примет, и Рэйт не стал обольщаться насчет токсливого клича, разнесшегося над ними. Под жуткое эхо отец смело посмотрел в лицо богу.

— Свой меч я тебе не отдам!

Рэйт невольно улыбнулся. До сих пор Херкимер, сын Химдала из клана Дьюрия, не подчинялся никому, даже богу.

Бог спешил и отдал поводья меньшему слуге.

Рэйт смотрел во всех глаза. Бог двигался с завораживающей грацией, плавно и уверенно. Но, несмотря на внушительную манеру держаться, физические данные бога отнюдь не впечатляли. Он не отличался ни ростом, ни весом, ни мускулатурой. Рэйт с отцом были массивного телосложения, с крепкими плечами и сильными руками. Бог, напротив, выглядел таким изнеженным, словно всю жизнь провел в постели и кормили его с ложечки. Будь этот фрэй человеком, Рэйт бы не испугался, более того, учитывая разницу в росте и весе, он непременно уклонился бы от поединка. Участвовать в столь неравном бою жестоко, а Рэйт жестокостью не отличался. Эта черта досталась в избытке его братьям.

— Вы не понимаете... — еще раз попытался объяснить Херкимер. — Этот меч передается от отца к сыну...

Бог ринулся вперед и ударил отца Рэйта в живот. Херкимер согнулся пополам. Тогда фрэй со скрежетом выхватил медный клинок из ножен. Пока Херкимер переводил дух, бог с отвращением рассматривал оружие. Покачав головой, он повернулся к человеку спиной, собираясь продемонстрировать жалкий клинок высокому слуге. Вместо того, чтобы посмеяться с хозяином, тот съежился от страха. Развитие событий легко читалось на пронырливом лице слуги — он первым заметил реакцию Херкимера.

Отец Рэйта вытянул из-за пояса нож, которым свеживал оленя, и замахнулся.

На этот раз бог был на высоте. Он развернулся с поразительной скоростью и вонзил медный клинок в отца Рэйта. Выпад Херкимера лишь помог вогнать его поглубже. Бой окончился, едва начавшись. Отец ахнул и упал с мечом в груди.

Рэйт действовал без размышлений. Остановись он хотя бы на мгновение — наверняка бы передумал, однако он походил на своего отца куда больше, чем самому Рэйту хотелось бы признавать. Един-

ственным оружием под рукой был медный меч, торчавший в груди отца. Рэйт выхватил его и изо всех сил рубанул бога по шее. Он ожидал, что лезвие пройдет насквозь, однако оно рассекло лишь воздух. Божество успело увернуться. Рэйт замахнулся снова, и бог вытянул свой клинок. Мечи встретились, раздался глухой звон, и тяжесть в руках Рэйта исчезла вместе с большей частью клинка. Когда он завершил удар, от семейного достояния уцелела одна рукоять; оставшийся кусок просвистел в воздухе и упал в заросли молодых сосенок.

Бог мерзко осклабился и заговорил на божественном языке:

— И стоило за него умирать?

Божество подняло меч снова, Рэйт шарахнулся назад.

Слишком медленно! Слишком медленно!

Рэйт был обречен. Отступить бесполезно. Об этом ему говорили годы боевой подготовки. За миг до того, как понимание воплотилось в реальность, Рэйт успел пожалеть о своей загубленной жизни.

«Ничего я не успел», — подумал он, напрягшись в ожидании боли. Однако ее не последовало.

Как и бог, Рэйт упустил из виду слуг. Ни один из противников не ожидал, что высокий прислужник с пронырливым лицом ударит своего хозяина по затылку булыжником, напоминающим размером и формой круглую краюху хлеба.

Рэйт понял, что случилось, лишь после того, как бог упал. Над ним стоял слуга с камнем.

— Беги! — велел он. — Если повезет, у него так разболится голова, что, очнувшись, он забудет про погоню.

— Что ты наделал?! — закричал второй слуга, глядя на происходящее расширенными от ужаса глазами, и потянул лошадь хозяина за узду.

— Спокойно... — сказал ему слуга с камнем в руке.

Рэйт оглянулся на отца, лежавшего навзничь. Глаза Херкимера были открыты, будто он смотрел на облака. Рэйт проклинал его на протяжении многих лет. Отец не заботился о семье, стравливал сыновей друг с другом, его не было рядом, когда умерли мать и сестра... Можно сказать, что Рэйт отца терпеть не мог, но внезапно он увидел перед собой человека, который учил сыновей бороться и не сдаваться. Херкимер сделал все, что смог, хотя смог он немного — прожил всю жизнь на клочке бесплодной земли, потому что так распорядились капризные боги. Отец Рэйта не крал, не обманывал и не придерживал язык, когда ему было что сказать. Он был жестким и неприветливым человеком, но всегда имел достаточно мужества,

чтобы постоять за себя и за правду. На земле перед Рэйтом лежал последний из его погибшего рода.

В руках Рэйт все еще сжимал сломанный меч.

— Нет! — завопил державший лошадь слуга, увидев, что Рэйт провел остатком клинка по горлу бога...

Оба слуги удрали: меньший на лошади, второй пешком. Потом тот, что воспользовался камнем, вернулся. Весь в поту, он трусил по лугу, качая головой.

— Мэрила не догнать. Он не самый лучший ездок, но этого от него и не требуется. Лошадь сама знает дорогу в Алон-Рист. — Прислужник замер. — Ты что делаешь?

Рэйт стоял над телом бога. Он поднял меч фрэя и прислонил его к горлу божества.

— Жду. Когда это обычно происходит?

— Что именно?

— Сколько ему нужно, чтобы восстать?

— Он мертв. Мертвые обычно не восстают, — заметил слуга.

Рэйту не хотелось спускать глаз с бога, и все же он быстро взглянул на слугу, который согнулся пополам, пытаясь перевести дух.

— Ты что несешь?

— А ты?

— Мне нужно знать, сколько у нас есть времени, пока он не восстал. Если я отрежу ему голову, он пролежит дольше?

Слуга закатил глаза.

— Он не восстанет! Ты его убил.

— Разрази меня Тэтлин! Ведь это бог! Боги не умирают. Они бессмертны.

— Ну, не до такой же степени, — протянул слуга и пнул труп, к немалому удивлению Рэйта. Тот не шевельнулся, слуга пнул его снова, и голова перекатилась на другую сторону, к щеке прилип песок. — Видишь? Мертвый. Понял? Никакой он не бессмертный. И не бог, а фрэй. Они умирают. Между живущими очень долго и бессмертными есть разница. Бессмертные не могут умереть, даже если захотят... Дело в том, что фрэй гораздо ближе к рхунам, чем нам хотелось бы думать.

— Ничуть мы не похожи! Взгляни на него! — Рэйт указал на поверженного фрэя.

— Ага, — кивнул слуга. — Он так сильно от нас отличается! Все-го одна голова, ходит на двух ногах, у него две руки и десять пальцев. Ты прав. Ничуть не похож.

Слуга опять посмотрел на тело и вздохнул.

— Его звали Шегон. Он был необычайно талантливым арфистом, жульничал в карты и бридиит эйн мер — что значит... — Слуга задумался. — Нет, этого не переведешь. Его никто особо не любил, а теперь он мертв.

Рэйн покосился на него подозрительно. Лжет? Пытается усыпить бдительность?

— Ты ошибаешься, — убежденно заявил Рэйт. — Видел когда-нибудь мертвого фрэя? Я не видел. Мой отец не видел. Никто из моих знакомых не видел. И они не стареют.

— Стареют, только очень медленно.

Рэйт покачал головой.

— Нет, не стареют! Отец рассказывал, что в детстве видел фрэя по имени Низон. Сорок пять лет спустя они встретились снова, и тот выглядел точно так же.

— Разумеется. Я же сказал, что старятся они медленно. Фрэи живут тысячи лет. Шмель живет всего несколько месяцев. Шмелю ты кажешься бессмертным.

Сомнения Рэйта развеялись, но не до конца, и он внимательно разглядывал вытекающую из тела бога кровь.

Теперь-то, по прошествии времени, Рэйт понимал, что нападать на фрэя вообще не следовало. Отец учил не начинать драки, которую не можешь выиграть, а бой с бессмертным богом явно подпадал под эту категорию. С другой стороны, отец сам все затеял...

Крови было много.

Под телом бога растекалась уродливая лужица, пачкая траву и сияющие одежды. На шее все еще зияла рана — ужасный рваный порез, похожий на второй рот. Рэйт ожидал, что рана чудесным образом затянется или просто исчезнет. Но когда бог поднимется, преимущество будет на стороне Рэйта. Он силен и может одолеть почти любого в Дьюрии. Даже отец должен был дважды подумать, прежде чем злить своего сына...

Рэйт напряженно смотрел на лежащего с закатившимися глазами фрэя. Рана на горле стала еще шире. И кроме того, ни один бог — настоящий бог — не стерпел бы пинков от слуги...

— Ладно, может, они и не бессмертны. — Он успокоился и сделал шаг назад.

— Меня зовут Малькольм, — представился слуга. — А ты Рэйт?
— Угу...

Бросив последний взгляд на труп фрэя, Рэйт сунул украшенный драгоценными камнями клинок за пояс и поднял тело отца.

— Что ты задумал? — спросил Малькольм.

— Здесь хоронить нельзя. Реки наверняка затопляют эту пойму.

— Хоронить? Когда известие дойдет до Алон-Риста, фрэи нас... —

Слуга изменился в лице. — Нужно бежать!

— Вот и беги.

Рэйт занес отца на пригорок посреди луга и бережно опустил на землю. Место для последнего пристанища так себе, но тут уж ничего не поделаешь. Обернувшись, он поймал ошарашенный взгляд бывшего слуги.

— Чего?

Малькольм расхохотался, потом смутился и умолк.

— Ты не понимаешь! Глин — быстрый конь, выносливый, как волк. Мэрил доберется до Алон-Риста уже к сумеркам. Он наговорит инстарья все, что угодно, лишь бы самому спастись. Они пу-
стятся в погоню. Нужно уходить!

— Ну так иди, — откликнулся Рэйт, взял медаль Херкимера и надел на себя. Потом он закрыл отцу глаза. Он не помнил, при-
дилось ли ему прежде хоть раз касаться лица старика.

— Тебе тоже нужно идти!

— Сначала похороню отца.

— Рхун все равно мертв.

От этого слова Рэйта передернуло.

— Он был человек!

— Рхун, человек — какая разница!

— Для меня и для него — большая. — Рэйт отправился к берегу реки, усыпанному тысячами камней. Самое сложное сейчас — по-
добрать камни нужного размера.

Малькольм упер руки в боки, глядя на него со смесью гнева и изумления.

— Провозишься несколько часов! Ты напрасно теряешь время!

Рэйт наклонился и поднял камень. Сверху он нагрелся на солн-
це, снизу оставался влажным, прохладным и покрытым мокрым песком.

— Отец заслуживает достойного погребения, и сделал бы то же самое для меня. — Учитывая, что Херкимер почти никогда не про-
являл к Рэйту добрых чувств, это прозвучало странно. И все же пе-

ред лицом смерти отец наверняка поступил бы так же. — Кстати, знаешь, что бывает с духом непохороненного тела?

Слуга посмотрел на него изумленно.

— Дух вернется и станет тебя преследовать за то, что ты не проявил должного уважения. Маны, то есть души предков, бывают весьма агрессивны. — Рэйт поднял другой камень и направился вверх по склону. — При жизни отец был тем еще кулом. И мне ни к чему, чтобы он преследовал меня до конца моих дней.

— Но...

— Что — но? — Рэйт бросил камни возле плечей отца. Сначала обложить тело по контуру, потом и груду можно наваливать. — Это не твой отец. Тебя никто не просит оставаться.

— Дело не в том...

— А в чем же?

Слуга замялся. Рэйт воспользовался паузой и вернулся на берег за очередными камнями.

— Мне нужна твоя помощь, — наконец проговорил Малькольм.

Рэйт поднял большой камень и понес на склон, прижимая его к животу.

— Какая помощь?

— Ну, ты знаешь, как... жить, точнее, выживать тут. — Слуга кивнул на тушу оленя, покрытую тучей мух. — Ты умеешь охотиться, готовить еду и находить себе приют. Знаешь, какие ягоды съедобны, каких зверей можно приласкать, а от каких нужно бежать.

— Никаких зверей приласкать нельзя!

— Вот видишь! Хороший пример того, как мало я знаю об этих вещах. Один я погибну через день или два. Замерзну до смерти, попаду под обвал в горах или же меня забодает какой-нибудь рогатый зверь.

Рэйт положил камень и спустился к реке, хлопая руками, чтобы стряхнуть песок.

— Разумно.

— Еще как разумно! Я парень разумный. Если ты тоже, то нам пора. Пошли!

Рэйт поднял еще один камень.

— Если ты твердо надумал остаться со мной и время не терпит, то лучше помоги.

Слуга оглядел каменистый берег и вздохнул.

— Обязательно таскать такие большие камни?

— Большие лягут вниз, выше положим камни помельче.

— Похоже, тебе это не в новинку.

— Там, откуда я родом, люди умирают, и камней у нас много.

Рэйт утер пот со лба, отбросив назад копну темных волос. Он закатал рукава шерстяной рубахи. Весна стояла холодная, и все же от работы он вспотел. Хотелось скинуть ли-мору и краги, но он решил не раздеваться. Погребение отца должно быть занятием не из приятных, хороший сын обязан испытывать при этом хоть какие-то чувства. Если неудобство от мешающей одежды — все, на что он способен, Рэйт и на это согласен.

Малькольм принес пару камней и положил на землю, предоставив Рэйту класть их куда нужно. Он остановился и стряхнул песок с ладоней.

— Послушай, Малькольм, либо ты берешь камни побольше, либо мы провозимся тут целую вечность.

Малькольм насупился, но спорить не стал. Он вернулся к реке, подобрал два крупных камня и понес их, обхватив руками как две дыни. В сандалях ему было неудобно. Тонкие ремешки вряд лигодились для прогулок по такой местности. Свою одежду и обувь Рэйт сшил сам из лоскутов шерстяной ткани с кожаными вставками. Они были грубыми, зато прочными.

Рэйт поискал и нашел маленький гладкий камень.

— Разве нам не нужны камни побольше? — спросил Малькольм.

— Это для другого. — Рэйт разомкнул пальцы отца и заменил нож камнем. — Он понадобится ему для входа Рэл или Элисин, если он того достоин, или в Нифрэл, если нет.

— А, ясно...

Обложив тело камнями, Рэйт стал складывать остальные у ног и выше. Он взял отцовскую ли-мору, все еще валявшуюся рядом с тушей оленя, и прикрыл лицо Херкимера. Обшарив заросли молодых сосенок, отыскал обломок медного меча. Сперва Рэйт хотел оставить оружие в могиле, потом вспомнил про расхитителей гробниц. Раз отец умер за клинок, следует о нем позаботиться...

Рэйт еще раз посмотрел на фрэя.

— Он точно не встанет?

Малькольм откликнулся с берега, где добывал очередной камень.

— Точно. Шегон мертв.

Вместе они перенесли на растущую грудку еще с дюжину камней, и тут Рэйт спросил:

— Почему ты ему служил?

Малькольм указал на торк вокруг шеи, будто другого объяснения и не требовалось. Сперва Рэйт не понял, потом разглядел, что он представляет замкнутый круг. Металлическое кольцо вовсе не являлось украшением — это был ошейник.

Малькольм не слуга, а раб!

Солнце уже клонилось к горизонту, когда они положили на могильный холм последние камни. Пока Малькольм мылся в реке, Рэйт спел погребальную песню. Потом он забросил сломанный отцовский меч за плечо, приспособил на поясе клинок убитого фрэя и собрал вещи. Их было немного: деревянный щит, сумка с увесистым кремнем, кроличья шкурка, из которой Рэйт собирался сшить подсумок, как только она высохнет, остатки сыра, одно одеяло на двоих, каменный топор, отцовский нож и копьё Рэйта.

— И куда мы пойдём? — спросил Малькольм.

Лицо и волосы слуги взмокли от пота, у него не было даже заостренной палки для самозащиты.

— Вот что, перекинь одеяло через плечо и завяжи покрепче. И копьё возьми.

— Я понятия не имею, как им пользоваться.

— Ничего сложного. Просто направо, куда надо, и ткни.

Рэйт огляделся. Идти домой не имело смысла. Ни к чему возвращаться обратно на восток — слишком близко к Алон-Ристу. К тому же семьи у него не осталось. Клан его примет, однако жить в Дьюрии слишком тяжело... Можно отправиться дальше на запад, в дикие дебри Эврлина. Для этого нужно миновать несколько застав фрэев вдоль западных рек. Как и Алон-Рист, они должны были сдерживать людей. Херкимер предупреждал Рэйта о крепостях Мэридид и Сиэн-Холл, но никогда не говорил, где именно они находятся. В одиночку Рэйт наверняка смог бы миновать все патрули, однако выжить в глуши нелегко. Ждать помощи от Малькольма не стоит. Судя по виду и замечаниям бывшего раба, вряд ли он протянет в таких условиях хотя бы год.

— Переправимся обратно в Рхулин, только пойдём мы на юг. — Рэйт указал на реку за крутым склоном холма, покрытого соснами. — Там Серповидный лес, он тянется на многие мили. Не самое безопасное место, зато в нем можно хорошо укрыться. — Он посмотрел на небо. — Хотя весна только началась, на подножном корме и охоте как-нибудь протянем.

— Что значит — не самое безопасное место?

— Сам я там не бывал, но кое-что слышал.

— Что?

Рэйт затянул пояс и ремень, на котором висел медный клинок, и пожал плечами.

— Ну, про всяких там тэборов, рэйо, леших.

Малькольм смотрел на него, не отрываясь.

— Злые звери?

— Ну да, как же без них.

— Как без них?..

— В таком большом лесу они просто обязаны водиться.

— Вон оно что... — протянул Малькольм, с тревогой наблюдая за несущейся по реке веткой. — Как мы попадем на тот берег?

— Плавать умеешь?

Малькольм оторопел.

— Да ведь от берега до берега тысяча футов!

— И течение хорошее. В зависимости от того, как ты плаваешь, мы выберемся на тот берег на несколько миль южнее. Впрочем, это и к лучшему. Нас будет труднее выследить.

— Скорее невозможно, — скривился Малькольм, не сводя глаз с реки. Бывший раб фрэев был в ужасе, и Рэйт его прекрасно понимал. Так же чувствовал себя и он, когда Херкимер заставил его плыть на другой берег.

— Готов? — спросил Рэйт.

Малькольм сжал губы. Пальцы, стиснувшие копье, побелели.

— Ты ведь понимаешь, что вода холоднющая?! Она же течет с ледника горы Мэдор!

— И это еще не все, — кивнул Рэйт, — поскольку за нами охотятся, мы не сможем разжечь костер, когда выберемся.

Стройный мужчина с острым носом и узкими глазками вымученно улыбнулся.

— Спасибо за напоминание.

— Готов? — спросил Рэйт, входя в ледяную воду.

— Признаюсь, обычно мой день проходит немного иначе! — С каждым шагом в реку голос Малькольма становился все выше.

— И чем же ты обычно занимался?

Зайдя по колено, Рэйт сцепил зубы. Течение бурлило вокруг ног и толкало, заставляя сильнее зарываться в каменистое дно.

— В основном я разливал вино.

Рэйт фыркнул.

— Да уж, разница огромная...

И тут же река сбила с ног обоих.

Глава 2

МИСТИК

«Даль-Рэн был травянистым холмом, приютившимся возле Серповидного леса. На холме стоял бревенчатый сруб и пара-тройка сотен глиняных, крытых соломой круглых хижин, укрывшихся за высоким, присыпанным землей частоколом. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было крошечное, отсталое поселение, по которому свободно разгуливали куры и свиньи, однако там же проживал и управлял кланом Рэн его вождь. И оно было моим домом».

«Книга Брин».

Персефона знала всех жителей далля, поэтому чужака определяла с первого взгляда, а уж эта девушка казалась совсем чужой. Невысокая, юная и стройная гостья смахивала на мальчишку благодаря коротким, неровно обрезанным волосам. Было непонятно, то ли на ее лице лежал загар, то ли просто грязь, из-под которой виднелись затейливые татуировки: изящно закрученные шипы, вьющиеся по щекам, минуя глаза и рот. Выглядела она весьма таинственно. Покрывавшие лицо татуировки придавали ей выражение лукавое и в то же время весьма внушительное. Одетая девушка была в замызганный шерстяной плащ, жилет из кожи и меха, юбку из выделанной кожи и странный пояс, похожий, из зубов диких зверей. Возле ног гостьи свернулся калачиком белый волк. Внимательные синие глаза следили за движениями каждого, кто направлялся в их сторону. Таких было немного.

Чужачка стояла снаружи ворот рядом с Коббом, который спустился с поста на стене и держал копьё так грозно, как мог. Получалось у него плохо. Обычно Кобб кормил свиней и не давал им забираться в общинный огород — прежде этим успешно занималась восьмилетняя Тэя Уэддон. Дозор на стене несли почти все мужчины. В то утро наступила очередь Кобба, и справлялся он ничуть не лучше, чем с присмотром за свиньями.

— У нас гость, госпожа, — сообщил он Персефоне, указывая на девчонку копьём.

Кобб кивнул на бараний рог, висящий у него на шее, и расплылся в улыбке, словно протрубить в него уже было достижением, до-

стойным похвалы, и Персефоне следовало признать, что за воротами он наблюдает лучше, чем за свиньями.

— Сказала, что она мистик и хочет говорить с вождем клана.

Вряд ли девчонка старше двенадцати, и хотя выглядит она так, будто провела большую часть жизни в глуши, для мистика слишком молода...

— Я Персефона, Хозяйка Чертога. — Она подождала, пока гостья сообразит. Девчонка молчала, и ей пришлось пояснить: — Я жена вождя Рэглана. Муж сейчас на охоте, поэтому можешь поговорить со мной.

Девчонка кивнула и ничего не сказала. Она стояла, покусывая губу, и оглядывалась на каждый удар мотыги, крик или стук молотка.

При ближайшем рассмотрении стало ясно, что девчонка явно голодает, а слово «грязный» далеко не описывало масштабов бедствия. В ее волосах запутались сосновые иголки и листья, ноги покрывала черная корка, на руках царапины, колени сбиты, и на лице вовсе не загар, а слой грязи.

— Могу я тебе помочь?

— На кого он охотится? — спросила девчонка.

— Что-что?

— На кого охотится вождь?

Персефона заколебалась. В тот день ей удавалось не слишком об этом задумываться, отгоняя ужасное событие в темный угол до возвращения мужа. Вопрос девчонки осветил его ярким светом, и Персефона с трудом сохранила самообладание.

— Тебя это не касается! — оживился Кобб, сделав угрожающий шаг вперед. Угроза была не в копье, про которое он позабыл и держал как обычную палку, а скорее в голосе, полном неподдельной свирепости.

— На медведя, — ответила Персефона, переведя дух и выпрямившись. — На ужасную медведицу по прозвищу Бурая.

Девочка хмуро кивнула.

— Ты ее знаешь? — спросила Персефона.

— О да, оскал Бурой Грин известен всему лесу, госпожа. И там ее не любят.

— Оскал Бурой Грин?

— Она скалится на всех и вся. Я даже видела, как она скалится на солнце, а кому не нравится солнышко?

— Эта медведица убила моего сына, — сказала Персефона, и слова дались гораздо легче, чем она ожидала. Она впервые произ-

несла это вслух, хотя раньше сомневалась, смогут ли их выговорить губы...

— Он убил и семью Минны. — Девочка посмотрела на волка. — Я нашла ее в Серповидном лесу, как когда-то Тура нашла меня. Взяла ее к себе, потому что мы с ней, разумеется, сестры. Кто же отказывается от семьи? Тура тоже так подумала.

— Ты знаешь Туру?

— Она меня вырастила.

И сразу стало понятно, откуда у девчонки пояс из звериных клыков, татуировки на лице и выдавший виды ясеневый посох.

— Значит, тебя прислала Тура?

Девчонка покачала головой.

— Тура умерла. Я сама предала ее огню.

— Что ты сделала?!

— Таким было ее желание, госпожа. Ей не нравились черви. Думаю, она хотела улететь. Да и кто бы не хотел?

Персефона пристально посмотрела на девочку.

— Ясно, — кивнула она, хотя ничего ей не было ясно. Персефона понятия не имела, что все это значит, но это было и не важно.

— Как тебя звать?

— Сури.

— Ладно, Сури. — Персефона посмотрела на волка. — Я хотела бы пригласить тебя внутрь, однако у нас есть куры и свиньи, поэтому — Минна, правильно? — не сможет войти в даль.

— Минна их не обидит! — с оскорбленным видом воскликнула девчонка. Завитки вокруг глаз сгустились.

— Волки едят кур и свиней.

Девчонка ухмыльнулась и сложила руки на груди.

— Людей они тоже едят, но ведь она пока не обглодала тебе ногу?

Персефона посмотрела на свернувшуюся клубком волчицу, невинную, как пастушья собака.

— Выглядит довольно ручной. Что думаешь, Кобб?

Бездарный смотритель за свиньями, а ныне не ахти какой сторож при воротах, пожал плечами.

— Ладно, только присматривай за ней. Если она на кого-нибудь нападет, то вполне может получить копьём в бок.

Персефона вошла в ворота.

— Не очень-то гостеприимное место, правда, Минна? — прошептала Сури ей вслед. — Интересно, понравится ли им самим

копье в боку, когда они придут в наш лес охотиться на наших зверей?

Весна медлила с приходом, не спешила раскрасить бесцветный мир спутанной прошлогодней травы, голых деревьев и серых небес, но жители Далль-Рэна не ждали милостей от природы. Долгая зима наскучила всем, и первым же более-менее теплым днем люди принялись за работу. Сыновья Киллианов, не знающие устали даже в летний зной, уже сидели на просевшей конусовидной крыше своей хижины. Они привязывали новые пучки соломы взамен унесенных зимним ветром. Бергин-пивовар колот дрова и бросал в огонь, разведенный под кипящими котлами с уже собранным соком деревьев. Остальные возделывали общинный огород — в это время года лишь жалкий клочок слякотной жижи, в которой осенняя ботва смотрелась, словно выбеленные солнцем кости.

Кобб отправился на свой пост, Персефона провела Сури по гравиевой дорожке к большому срубу в центре далля. Почти забытые птичьи песни вернулись, с солнечной стороны колодца расцвели желтые и голубые цветочки. Если верить звездам, птицам и цветам, то зима закончилась, однако в тенистых местах все еще лежал снег. Персефона крепче запахнула шаль — в этом году весна весьма избирательна. Она пришла не ко всем.

Персефона остановилась на площадке перед крыльцом и поклонилась каменной статуе богини Мари. Сури посмотрела на нее с интересом. Двери были открыты, впуская солнце в Большой Зал, который с самой осени походил на задымленную деревянную пещеру. Зимой его освещал огонь очага, и двенадцать поддерживающих крышу колонн казались золотыми, но при солнечном свете стало видно, насколько они старые и ветхие.

Яркий свет разоблачил не только колонны: сношенная обувь, плащ, свисающий с рогов головы оленя, кубок из бараньего рога, который Освальд швырнул в Сэкетта несколько месяцев назад. Деревянный настил вокруг тлеющего в яме костра был покрыт грязью и золой. Солнце раскрывало реальную действительность, которую так умело прятали тени, рождаемые костром.

Извечный огонь в центральной яме едва тлел. Хэбет, чьей обязанностью было за ним смотреть, куда-то подевался. Персефона подбросила щепок, и стало чуть светлее. Она пошла к двум стоящим возле дальней стены креслам и присела на то, что справа.

Сури остановилась в дверях. Она покосилась на стропила островерхой крыши, где щиты прошлых вождей клана висели вместе с

трофейными головами оленей, волков и медведей. Сури скривилась и с таким видом посмотрела туда, где сидела Персефона, словно между ними расстиралось озеро, а плавать она не умела. Сделав над собой заметное усилие, девочка и волк вошли в зал.

— Сколько тебе лет, Сури? — спросила Персефона.

— Не знаю... Лет четырнадцать, наверно, — рассеянно ответила девочка, не сводя глаз с балок.

— Наверно?

— Скорее всего, да. А может и больше. Или меньше.

— Ты не знаешь?

— Зависит от того, сколько я прожила у кримбалов. Тура считала, что я мэлкин.

— Кто?! Что такое мэлкин?

— Когда кримбалы крадут ребенка... Знаешь, кто такие кримбалы, госпожа?

Персефона покачала головой.

— Кримбалы — это лесные существа. Они там не живут, просто приходят время от времени. В Серповидном лесу их много, из-за деревьев там полно дверей. Живут они в Ногге, глубоко под землей, где у них великолепные залы и пиршества. Они танцуют и веселятся так, что ты даже представить себе не можешь. Короче, когда кримбалы крадут ребенка...

— Они крадут детей?

— О, Великая Праматерь, да! Постоянно. Никто не знает, почему. Просто у них так принято. Короче, когда они крадут ребенка, то уносят его в Ногг, где с ним делают невесть что. Очень редко ребенку удается убежать. Такого называют мэлкин, и он уже не станет нормальным, потому что любой, проведший хоть немного времени в Ногге, меняется навсегда. Так вот, обычно мэлкины старше — лет десяти-одиннадцати, но мне каким-то образом удалось удрать до того, как мне исполнился год. Тогда Тура меня и нашла.

— Каким же образом тебе удалось выбраться, если ты еще не научилась ходить?

Сури, к тому времени как раз перешедшая через зал, посмотрела на Персефону так, словно та спросила невесть что.

— Откуда мне знать, госпожа? Я ведь была младенцем.

Персефона недоверчиво подняла брови и кивнула.

— Понятно, — сказала она, хотя на самом деле поняла другое: каким бы простым ни был вопрос, для девочки с поясом из звери-

ных зубов и в компании ручного волка простых вопросов не существует. — Ладно, Сури, чего тебе нужно?

— Как понять — нужно, госпожа? — спросила девочка.

— Зачем ты пришла?

— А, ну да... Я пришла рассказать вождю, что мы все умрем. — Девочка проговорила это быстро и непринужденно, словно объявила, что вечером солнце сядет.

Персефона прищурилась.

— Повтори-ка еще раз. Кто именно умрет?

— Мы все.

— Кто — мы?

— Мы. — Вид у девочки стал недоуменный, и вряд ли в этом были виноваты татуировки.

— Ты и я?

Сури вздохнула.

— Да. Ты, я, смешной дурачок у ворот — все мы.

— Все в Далль-Рэне?

Девочка снова вздохнула.

— Не только в Далль-Рэне — везде.

Персефона рассмеялась.

— Ты говоришь, что умрут все живые существа? Так ведь это не новость.

Сури посмотрела на Минну с мольбой в глазах, будто волчица могла помочь с объяснениями.

— Не все живые существа, только люди — как ты и я.

— Ты говоришь про рхунов? Умрут все рхуны?

Сури пожала плечами.

— Видимо, да.

— Погоди-ка... Начни с того, когда и как это случится.

— Не знаю как, но скоро... Думаю, все случится еще до разгара лета. Точно до прихода зимы. — Она замолчала и задумалась, потом кивнула. — До того, как пойдет снег. К следующей весне наступит самое худшее время. Мы окажемся на лезвии ножа, посреди бури.

— Значит, надвигается буря?

Девочка нахмурилась и покачала головой.

— Не обычная буря, нет, просто что-то плохое... — Она пожала плечами. — Впрочем, может, и буря.

— И ты понятия не имеешь, что ее вызовет?

— Нет, не знаю. — Мистик сказала это с таким видом, будто причины столь ужасного события не важны вовсе.

Персефона откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на девочку. Бедняжка, одинокая, напуганная сирота...

— Зачем ты пришла на самом деле, Сури? Ты голодна? После смерти Туры тебе стало одиноко?

Сури смутилась.

— Не бойся. Я попрошу кого-нибудь выделить тебе место для ночлега. И хлеб у нас найдется. Хочешь хлеба?

Мистик задумалась.

— Хлеб — это здорово.

— Хочешь пожить здесь, в далле?

Глаза Сури округлились, она с опаской отшатнулась, глядя на увешанные трофеями балки, и замотала головой.

— Нет, госпожа! Я здесь жить не смогу. Я пришла лишь потому, что Тура велела так сделать, если я увижу что-нибудь. Пойти на холм посреди большого поля в центре леса и сообщить вождю. Так она велела... Прямо сейчас больше ничего не сделаешь. Нужно поговорить с деревьями. Они могли бы рассказать нам куда больше, но они еще спят.

Персефона вздохнула. Разговаривать с Турой было куда проще, несмотря на ее странности. Надо дождаться возвращения Рэглана. Может, он разберется, что к чему.

— Что ж, спасибо. — Персефона встала и улыбнулась. — Я распорядюсь насчет хлеба, остальное решишь с моим мужем, когда он вернется. Если хочешь, подожди здесь. — Увидев, что девочка снова отшатнулась, Персефона добавила: — Или на крыльце, если тебе так удобнее.

Сури кивнула и ушла. Волк следовал за ней по пятам.

Такая худенькая...

Персефона была уверена, что пророчество — обман. Умно придумано, только девчонка перестаралась. Ей следовало придумать что-нибудь попроще, вроде неурожая, мора или засухи. Она слишком мала и не рассчитала все, как надо. После смерти Туры у нее нет шансов выжить в лесу одной.

— Сури? — окликнула девочку Персефона. — Я бы на твоём месте пока не стала никому рассказывать про смерти.

Девочка обернулась, проведя рукой по трем зимним колоннам.

— Почему?

— Люди не поймут. Подумают, что ты лжешь.

— Я не лгу!

Персефона вздохнула. Упрямая девчонка.

Сури сделала еще несколько шагов к двери, остановилась и снова обернулась.

— Я не Тура, но чувствую: грядет что-то ужасное. Наша единственная надежда — узнать, что скажут деревья. Жди листьев, госпожа, жди листьев...

И тут снова прозвучал рог.

Персефона поняла, что случилось страшное, едва переступила порог. Работавшие в саду люди побросали мотыги. Братья Киллиан спустились с крыши, остальные бросились к воротам или попадали на колени, рыдая.

Словно увидев хлынувший на поле черный ливень, Персефона приготовилась к приближающейся буре. Она пережила их немало. Она помогала мужу управлять кланом в течение двадцати лет. Она не дрогнула перед Долгой зимой и последовавшим за ней Великим голодом. Она потеряла первого сына при родах, второго из-за болезни и совсем недавно последнего, который едва успел повзрослеть. Манн был славным юношей, однако боги не смогли его защитить. Что бы ни ждало ее за воротами, она выдержит это испытание так же, как и все остальные. Она обязана. Если не ради себя, то ради своего народа.

Обе створки ворот распахнулись, но обзор заслонили нахлынувшие люди. Некоторые вскарабкались на лестницы и вал, тыча пальцами за стену. Персефона вышла на крыльцо, и толпа наконец расступилась.

Вернулся отряд охотников. Уходило восемь мужчин. Назад пришло шесть. Один на щите...

Рэглана внесли в ворота — по двое мужчин с каждой стороны щита, Коннигер во главе процессии. Рукав его рубахи был оторван и обвязан вокруг головы, сбоку расплывалось красное пятно. Эдлер, обладатель зорких глаз, вернулся лишь с одним. У Хэгнера вместо правой руки болталась кровавая культия.

Персефона не стала спускаться с крыльца. Черный ливень накрыл ее, идти дальше не было смысла.

Больше всего потрясла не смерть мужа, а до боли знакомая сцена. Персефоне показалось, что она сошла с ума и переживает события трехдневной давности, когда в даль принесли ее сына. Он тоже

отправился на охоту и тоже вернулся на щите. Она помнила, что стояла на том же самом месте в то же самое время суток.

Но теперь все иначе.

Когда погиб Манн, рядом с ней был муж. Он держал ее за руку, и благодаря его силе она устояла на ногах. От него исходили волны ярости, пальцы до боли сжимали ее кисть. На следующий день Рэглан ушел мстить...

Несшие щит приблизились к крыльцу. Мрачные лица смотрели в землю. Лишь один осмелился поднять взгляд. За процессией сомкнулась толпа.

— Мы возвращаем тебе твоего мужа, — объявил Коннигер. — Рэглан из рода Монт, вождь Далль-Рэна, пал сегодня в битве.

Толпа притихла. Над Персефой захлопали на ветру стяги клана. Она должна была принять смерть мужа так же, как Рэглан принял смерть их сына. Рэглан держался с достоинством и пониманием, молча сминая в руке ее пальцы. Персефоне некого было держать за руку, и она никак не могла осознать произошедшее.

Вместо этого она спросила:

— А что с медведем?

Коннигер растерялся. Он подумал, прикоснулся к окровавленной повязке...

— Это не медведь. Существо, на которое мы охотились, оказалось демоном. Человеку его не одолеть!